Бакинский рабочий, - 1990 - 9 окт.

ТЕАТР ДРАМЫ

«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?»— РЕШАТЬ САМОМУ КОЛЛЕКТИВУ

Не так давно в нашей газете была опубликована статья директора бакинского театра русской драмы М. Дадашева «Больше света на сцену!»

А несколько позже — информация об общественном просмотре спектакля по пьесе Агаты Кристи «Мышеловка», поставленного на сцене этого театра.

Обычные газетные публикации. Может быть, отличие их только в том, что они свидетельствуют: жизнь в городе, в котором установилось военно-гражданское двоевластие, продолжается. Театр и в период перестройки не упразднен — он тотальной коммерциализацией искусства, ни последним звонком командаитского часа.

Однако я не зря напоминаю об этих двух публикациях. События в театре заставляют как бы «отмотать» назад ленту памяти и попытаться более пластично, гармонично вписать эти публикации в контекст происходящего. Сегодня они рождают иные ассоциации, в них открываются новые смыслы. Если бы можно было первую публикацию снабдить комментарием, я бы предложил к нему такое название: «Еще больше света!». А что касается второй, то ее название сегодня прямо ассоциируется с простой и гениальной постановкой «Мышеловки» Гамлетом, сами собой напрашиваются слова из его монолога «...иногда преступники в театре Бывали под воздействием игры Так глубоко потрясены, что тут же Свои провозглашали злодеяньи...»

Ну, начнем все-таки не со слов (и гамлетовской «Мышеловке» мы еще вернемся), а с сути.

В театре, о котором мы рассказываем, — драма. Собственная, она, как в любом театре, никогда не кончается или не доигрывается. Могут быть только «промежуточные» финалы, в которых зарождается, чтобы вскоре новый конфликт. Почему так происходит? Обычно мы, зрители, видим игру на сцене, чистое лицедейство. Не заглядываем ли мы в душу актера, режиссера, художника и т. д. или хотя бы за кулисы? А здесь даже для внутреннего лицедея (а может, тем более — для зауряднего) иногда идет игра пострашнее — всерьез, до полной гибели. Здесь дышат грозой всевозможные, не по сценарию, страсти, гремят на бутафорские громы, вспыхивают бури обид и неутоленных желаний, рушатся, как ветхие декорации, надежды.

Можно сказать обо всем этом иначе — игра амбиций, трагедия нереализованных стремлений, несоответствие уровня притязаний и творческих возможностей. Можно более конкретно — смена поколений, репертуара, режиссерских направлений. Можно совсем коротко — перестройка.

Итак, в Русском драматическом театре им. С. Вургуна — конфликт. Действующие лица — бывший главный режиссер театра, заслуженный деятель искусства Джанкета Алиббекова Селимова и нынешний директор театра, он же заведующий художественной частью, народный артист республики Мелик Юсифович Дадашев. Остальных участников конфликта второстепенными персонажами не назовешь, но их так много — собственно вся труппа, весь коллектив так или иначе втянут в конфронтацию — что невозможно перечислить всех. Ну, а время и место действия уже известны.

Джанкета Алиббекова Селимова возлагала большие надежды на театр перестройки. Ученица Товстоногова, она мечтала о новом театре, в котором органично переплелись бы великие уроки классики и не менее великие традиции провинциальной сцены. И она на только мечтала, но и создавала: новаторские спектакли, актерскую школу, свой театр.

Дж. Селимова считает, что ей повезло. Верно, везло. Она стала главным режиссером театра в тот момент, когда окончательно вызрели, выкристаллизовались творческие устремления, замыслы, сложились свои принципы работы с актерами. При бывшем директоре театра Гаджифере Тоичиеве она получила ту степень творческой свободы, о которой только можно мечтать режиссеру. Да, это была крутая ломка повседневных структур, творческих установок, которые формировали некий усредненный тип актера, нацеленный на решение обычных, традиционных задач. Джанкета Алиббекова стояла перед труппой сверхзадачу. И в попытках достичь ее она была тверда, даже порой жестка. Ее «слуховой Станиславский» не прощал ни малейшей сиюминутности на себе, ни другим. Но она была и милосердна. Слова «Не верю!» — не были приговором. Она обрывала исполнителя, ложное вдохновение, но не судьбу. Многие известные сегодня актеры — ученики Селимовой, выращенные на создаванной ею малой сцене театра. Другое дело, что не все помнят об этом. Но, увы, это обычное дело — так повелось с незапамятных времен.

За последние два года многое изменилось в судьбе Селимовой. Она уже не главный, а просто режиссер, причем не высшей категории. В свое время недосуг было позаботиться об этом, а новый директор театра М. Ю. Дадашев, судя по всему, не намерен ее тарифицировать.

Многое изменилось и в самом театре. Из его жизни ушло главное — мир.

Пусть хрупкий, пусть относительный, но мир был. Как его вернуть? Видимо, для этого нужно, и в первую очередь руководству, подняться выше личных интересов, презреть мелочные обиды, тактично идти к компромиссу. Как важно согласовать различные режиссерские направления, и, не обделяя роли никого, дать шанс и несостоявшемуся трагику, и переросшей свое амплуа жене, и актеру, из которого прямо-таки выламывается режиссер, превратить противоречия и конфликты в состязание талантов, в источник дальнейшего роста.

К сожалению, такого руководителя нет в Бакинском театре русской драмы. Не готов и сам коллектив, деморализованный серией резких провалов на выездах, лишенный сцены у себя дома, довести драму своего существования до счастливого конца.

Театр и жизнь — это два зеркала, посылающих друг другу друга. Да, все в бакинском театре кипит в нашей жизни. Мелик Дадашев сосредоточил в своих руках и административную власть, и управление творческим процессом. Вчерашние фавориты в опале. Господствующая концепция — отказ от всего, что было сделано предшественниками, и обещание реформ. Начата реконструкция. Возводится помпезный фасад, а внутри — допотопная начинка сценической коробки, проходившаяся крыша, нервно, со скрипом движущийся круг. И разлад в коллективе. Как некоторые политики на местах обещают устроить у себя «новый Карабах», так сепаратисты от сцены грозят устроить у себя «новый МХАТ». Репертуар меняется с той же скоростью, с какой одни парламентские фракции сменяют сменить другой. Коллектив сидит в долгах глубже, чем музыканты в оркестровой яме. Не на чего выплачивать зарплату. И еще несколько штрихов, сближающих театр с реалиями нашей жизни — из коллектива уходят: есть «бывшие», но много и таких, которых «уволили». Ну, а в общем-то все в порядке — затраты или поможет. В будущем сезоне театр выезжает на гастроли в Израиль.

...Репетиция. Джанкета Алиббекова прижимала ладони к губам — как рупор — и изображала звук подходящего паровоза. Я не успел поразиться искусственности — и места, и звукоподражания — как с ошеломляющей быстротой погрузился в мир сцены. И не только принял условия игры, но и забыл, что это игра.

Все преобразилось, ожило — даже мотивировки, рассыпающиеся аксессуары. Задвигались, заговорили актеры. Это движение не раз прерывалось, Властное «Стоп!» — Джанкеты Селимовой и помягче «Позвольте паузу» — сдержанного Ирины Первовой не раз возвращали действие к исходной позиции. Актеры пробовали снова, снова... И с каждым разом еще чуть-чуть поднимались к недосягаемой высоте правды. Игра захватывала. Раздвинулись обшарпанные стены репетиционного зала, и стал виден вишневый сад. Герои вглядывались в его холодно-белую мглу, застыв в тревожном ожидании.

Для меня после прогона стало ясно: «Вишневый сад» получается.

Однако прошло не так уж много времени после репетиции, и над «Вишневым садом» сверкнули безжалостной административной сталью топоры приказов. Уволен актер А. Фирсов, играющий Фирса (какое роковое совпадение!), ушел Ю. Нестеренко, исполняющий роль Яши... И наконец — этот приказ, начинающийся словами: «В связи с поездкой в Израиль...». Смысл этого приказа, плача и мучаясь, пытаясь передать мне по телефону Джанкета Алиббекова: в связи с предстоящими гастролями театра в Израиль меняется репертуар (в который раз!). Репетиции «Вишневого сада» временно (?) отменяются. Велено начать работу над спектаклем: из жизни современных обывателей, который, по разумению администрации, принесет больше лавров, чем какой-то неудобоваримый «Вишневый сад».

Перенесемся в кабинет, в котором родился приказ, грозящий перечеркнуть напряженную работу режиссеров, большой группы актеров. Работа на протяжении многих месяцев.

Мелик Юсифович Дадашев — человек обаятельный, умный. О нем говорят: «волевой актер». Что касается административного таланта, то тут и глаза прежде всего бросается целеустремленность. С Меликом Юсифовичем интересно разговаривать: с ним можно спорить, даже опровергать его аргументы. Но только до определенного пункта. Этот пункт — Джанкета Селимова. С точки зрения директора именно она мешает переустройству театра. Она выступала против того, чтобы начать реконструкцию, мотивируя тем, что в Баку закрыты на ремонт почти все театры. А Театр музыкальной комедии дорога в этому умиротворенному храму, как сегодня — дорога к театру, пока еще завалена мусором (строительным?), хламом старья. Расчистить все это одному не под силу. Нужны надежные помощники. Но вот Дж. Селимова и И. Первова, отдавшие сцене многое, если на все, выключены из игры. За последние месяцы покинули театр десять человек. Многие готовятся последовать их примеру. Страсти в театре накалены. Создается впечатление, что здесь делается все, чтобы ускорить развязку конфликта. И логика драмы, разыгранной в театре, подсказывает: финал ее будет печальным.

Нетерпимость в коллегах зашла на опасную черту. Обвинения в адрес Джанкеты — в шкале от коммунально-мелочных до сокрушающих саму профессиональную основу личности. И грубо она, дескать, и своенравна, и самодовольна, да и талантом не блещет. О Первовой отозвались столь же категорично, а в конце как ультиматум прозвучало: «если она будет самостоятельно ставить спектакль, ведущие актеры покинут театр».

Вот такие страсти. Как же быть? Как перевести конфликт в оптимальный режим и конструктивно разрешить его? Ответа на этот вопрос мы, в течение долгого разговора с М. Дадашевым и, как принято говорить сегодня, его «командой», так и не нашли.

В кабинете директора большое фото. Коллектив снялся в день, когда отмечалось шестидесятилетие театра. Вглядываюсь в лица — немного напряженные, немного неестественные, как у зрителей, сидящих за линией сцены. И подумалось вот о чем. Скоро театр будет отмечать свое семидесятилетие. По традиции все соберутся перед фотокамерой, чтобы сделать на память портрет коллектива «в семейном интерьере». Эти секунды до щелчка камеры как бы объединят всех — хотя бы на миг! Актеры, режиссеры, сценографы, постановщики, суфлеры словно зрители застынут в напряженном ожидании. Вот тогда-то я бы и хотел, чтобы они мысленно представили вместо из собственной жизни. Некую «Мышеловку». (Гамлет так объяснял назначение этого действия, в равной мере прагматического и психологического: пригнать, увидев на сцене подобие своей жизни, обдуманно испытает потрясение и сможет осознать себя, свои поступки, свою судьбу. Зрелище — арена для совести). И я предлагаю: взгляните, дети сцены, на то, что вершили, как жили и играли, как играли и жили.

Пусть каждый увидит то, что старается сегодня забыть и скрыть. Как дружили Дж. Селимова и М. Дадашев. Как бились вместе, раскалывая панцирь новых ролей. Как кто-то кому-то вливал в уши яд сплетен. Как пополала трещина, разрастаясь в бездну и разделяя бывших друзей и единомышленников. Как толкали под руку И. Первову, когда она пыталась самостоятельно дирижировать спектаклем. Как отдувались от сцены тех, кто ей был предан. Пусть и Джанкета Алиббекова увидит себя. Тех, кого обидела, задела. В общем, пусть все будет как в жизни. И каждый узнает себя. И в глазах каждого отразится свет озарения, раскаяния, очищения.

Наивная режиссура финала этой театральной истории? Может быть. Но мы уверены, только самому коллективу под силу решить конфликт. Решить гуманным способом, бескровно, не оставляя никому шанса сводить в будущем счеты и мстить. Должно состояться это всепрощение перед лицом реального распада коллектива.

Тут каждый должен быть сам себе судьей и критиком. Ибо от поступка каждого зависит: быть или не быть театру.

Ибрагим ШУКУРОВ.